

УДК 811.112.2

РОМАН Р. МУЗИЛЯ «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ» КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ МЫСЛИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

© Гусев А.С., Кучумова Г.В.

Самарский национальный исследовательский университет
имени С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

e-mail: andrey16022003@gmail.com

Современная ситуация отражает глубокий парадигмальный кризис в обществе и культуре. Складывается новая картина мира, преодолевающая прежний раскол культуры на естественно-научную и гуманитарную сферы. Сегодня гуманитарные науки все более осознают себя технологическими, а естественно-научные сферы все более «гуманизируются». В свое время этот раскол, обнаруживающий конфликт между фактичностью жизни и нормативностью социальных и официальных установлений, впервые зафиксировал и преодолел Данте, заложив новый фундамент западноевропейской культуры, названный «поэтической рациональностью».

Исследование «поэтической рациональности» – как основания новой концепции человека культуры и нового творческого самосознания – неизменно отправляет нас к роману-эссе «Человек без свойств» (*Mann ohne Eigenschaften*) [1]. В этом произведении австрийский автор Роберт Музиль (*Robert Musil*, 1880–1942) – инженер, философ, писатель, эссеист – дает понимание жизни через концепцию «жизненного потока» (Ф. Ницше), выявляет самоценность человека как носителя ценностно-волевого начала, оспаривает идею о подчинении личности социальным явлениям, которые заковывают человеческое «Я» в броню условностей и предрассудков.

В романе «Человек без свойств» Музиль соединяет математическое мышление и рациональный подход с поэтическим познанием. Он создает героя, ищущего точки опоры в наблюдениях за собственным внутренним миром, стремящегося научно познать и объяснить мир вокруг (социум, мораль, любовь, истина), соединить логику с поэзией в новых мыслительных конструкциях и в жанровых позициях эссе.

Свой метод и свой роман Музиль называет эссеистическим. Он имеет в виду не только свободные рассуждения, но и характерное для эссеизма стремление рассматривать предмет постепенно и с разных сторон, не отождествляя результаты своих наблюдений с «окончательным» знанием [2, с. 185]. Музиль разделяет жизнь на «рациоидное» и «нерациоидное», полагая, что понятия «мертвят» жизненный поток, превращают познанное в неподвижный предмет. «Нерациоидное» для него это то, что не укладывается в формулы и понятия, о чем нужно молчать (из трактата Л. Витгенштейна *Tractatus logico-philosophicus*, 1921). В молчании Музиль стремится передать напряженное единство между образным и логическим мышлением, пытается схватить «скользящую логику души, которой соответствует родство вещей в догадках искусства и религии» [1, с. 768]. Такой образ мышления и мировидения вводит читателя в новую сферу значений, часто связанную с первоосновами бытия, с мифологическими и архаическими представлениями.

В романе главный герой Ульрих – носитель специфической мыслительной модели «поэтической рациональности» [3, с. 153] – предстает как «всевозможный человек», как человек, не имеющий твердых устоявшихся убеждений. Ульрих не принимает ни один факт, оценку, вывод в качестве аксиомы. Он стоит над потоком жизни, живет в игре, в режиме бесконечной иронии по отношению к жизни.

Ульрих противопоставлен представителям венского аристократического общества. Его позиция: «<...> человек как высшее проявление своих возможностей, как потенциальный человек и ненаписанная поэма своего бытия, выступал против человека как исписанной страницы» [1, с. 321]. В поисках новой познавательной модели «человек без свойств» начинает осознавать свои оковы: идеологическая система, социальные нормы, религиозные догматы, моральные установки. Человек может создавать бесспорно великое и важное, если будет находиться по ту сторону условностей. Здесь обозначается и фигура Сверхчеловека (*Übermensch*). В работе «Человеческое, слишком человеческое» (*Menschliches, Allzumenschliches*, 1878) Ф. Ницше пишет: «Сверхчеловек считает себя путешественником в несуществующие страны. Его освобождение кроется в том, что он находит удовольствие в неопределенности и мимолетности. Он приветствует каждый новый рассвет, поскольку тот несет с собой эволюцию мысли» [4, с. 287].

Главный герой все время ощущает весь свой объем нереализованных возможностей, не укладывающихся в систему. Он вынужден скитаться в полном одиночестве в поиске новой формы человеческого существования. Пренебрегая условностями общества и культуры, Ульрих непрерывно задается вопросом: так ли уж необходимы социальные нормы, действительно ли они способствуют гармонизации человеческой жизни? Все свои усилия он направляет на то, чтобы выйти за границы системы, обойтись без сковывающей определенности и условностей общества. Ульрих жаждет услышать и реализовать множество таящихся в действительности возможностей, подавленных вариантов своей жизни и духовного развития. Часто он чувствует лишь «душевные смуты», но рационализирует их, выстраивает свою жизнь в регистре высокой иронии как наблюдатель, часто мыслит в сослагательном наклонении *conjunctivus potentialis*.

По Музилю, жизнь всегда двусмысленна: регистр иронии в романе позволяет увидеть в каждом предмете и явлении вместо одного, по крайней мере, два плана. Ирония расщепляет однозначность действительности, это с мастерской наглядностью представлено в романе. Ульрих, носитель «поэтической рациональности», понимает, что сама идея морали застыла во времени и больше не служит средством объяснения мира, она лишь ограничивает духовные искания человека и мешает человеку познавать мир во всех проявлениях.

В современной ситуации выработанная Р. Музилом в романе «Человек без свойств» мыслительная модель «поэтической рациональности» послужила основанием новой концепции человека культуры и нового творческого самосознания, в частности, в постмодернистской антропологии.

Библиографический список

1. Музиль Р. Человек без свойств. СПб: Азбука – классика, 2022. 1472 с.
2. Павлова Н.С. Уроки Музиля. Поэтика романа «Человек без свойств» // Вопросы литературы. 2000. № 5. С. 181–201.
3. Сейбель Н.Э. Австрийский роман: Zwischenkriegszeit. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 414 с.
4. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: Сборник. Минск: ООО «Попурри», 1997. 704 с.